

**«БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНЬИ...»
(К 85-ЛЕТИЮ ВЫХОДА СТАТЬИ Н.И. БУХАРИНА «ЗЛЫЕ ЗАМЕТКИ»)**

Матеріал присвячений 85-річчю публікації статті М. Бухаріна «Злі нотатки», спрямованої проти так званої «есенінщини». Саме завдяки їй ім'я та творчість великого російського поета були на три десятиліття вилучені з радянського духовно-культурного простору, а Єсенін став фактично забороненим у СРСР поетом. Проте історико-літературне значення статті значно ширше: вона стала граничною подією у культурній ситуації 1920-х рр., зазначивши перехід від моделі культурного плюралізму до моделі партійно-ідеологічного диктату та культурно-естетичної одноманітності.

Ключові слова: М.І. Бухарін, С.О. Єсенін, «есенінщина», творчий спадок.

12 января 1927 года в центральном органе большевистской печати газете «Правда» была опубликована статья «Злые заметки» – одно из наиболее известных и ярких литературно-публицистических произведений Н.И.Бухарина (в то время главного редактора газеты), сыгравшего роковую роль в посмертной судьбе творческого наследия Сергея Есенина.

Автор статьи не скрывает того, что в оценке поэзии С.Есенина перед ним стоят текущие общественно-идеологические задачи; со всей большевистской прямоотой формулирует он и идеологическую сверхзадачу работы: «По есенинщине нужно дать хорошенький залп» [1].

«Залп» был дан незамедлительно и по всем направлениям. В обстановке резко усилившейся после публикации статьи Бухарина антиесенинской пропаганды уже в феврале-марте 1927 года в секции литературы и искусства Коммунистической академии прошли слушания на тему: «Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина», на которых с основным докладом выступил нарком просвещения А.Луначарский, заявивший, что талантливый крестьянский поэт «не смог осознать действительную сущность пролетарской революции. Осознать эту сущность он мог только путем чрезвычайно усиленной работы над собой. Но он этого не сделал. Город захлестнул его мутной кабацкой волной» [11, 34-35]. Во исполнение основных положений своего доклада Луначарский особым указом запретил изучение Есенина и его творческого наследия в школе. Следующим антиесенинским актом государственного масштаба стал указ ведавшего издательскими делами Л.Сосновского о запрете на издание произведений Есенина, сохранявший свою силу вплоть до второй половины 1950-х годов - начала так называемой «хрущовской оттепели». Был закрыт музей Есенина в Москве, созданный по инициативе его жены С. А. Толстой в 1926 году, а известный кинорежиссер С.Эйзенштейн, взяв за основу «Злые заметки» Бухарина, приступил к созданию кинофильма под названием «Против есенинщины». Официальную оценку творчества Есенина сформулировал в «Литературной энциклопедии», изданной в 1930 году, Б.Розенфельд: «Богема и принимавший все более острые формы наследственный алкоголизм (?! – А.С.) привели Есенина к гибели: под влиянием тяжелых психических заболеваний он окончил жизнь самоубийством» [8, т. 4, 80].

Совершенно очевидным представляется сегодня тот факт, что именно благодаря бухаринским «Злым заметкам» на целых три десятилетия Есенин был вычеркнут из советского духовно-культурного пространства и стал фактически запрещенным в СССР поэтом. «Трагичность судьбы Есенина, его неожиданная и преждевременная гибель в расцвете поэтического дарования и активной творческой и общественной деятельности не является только его личной трагедией, она связана с трагичностью судьбы России и русского народа, прежде всего его духовной элиты, – целиком справедливо утверждает профессор филологии из Твери Владимир Юдин. – В русской поэзии и литературе Есенин... неповторим и выходит за пределы установившегося понятия о гениальности. Есенина нельзя поставить в любой ряд деятелей культуры, он уникален в поэзии и трагической судьбе, как уникальны по-своему Пушкин, Лермонтов, Некрасов и Достоевский» [12]. К этим глубоким и проникновенным словам, сказанным в дни скорбной даты – 80-летия со дня трагической смерти великого поэта, трудно что-либо добавить.

Однако вернемся к статье-«юбилару».

Какой же смысл вкладывал Бухарин в изобретенное им хлесткое понятие «есенинщина»? «Идейно, – читаем в статье, – Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще». Фактически полная замена эстетических критериев оценки, к приоритетности которых еще совсем недавно - в процессе выработки основных положений известной резолюции ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» (1925) – призывал сам Бухарин, политико-идеологиче-

скими приводят автора к закономерному («большому», по его собственным словам) выводу: «советские устремления... оказались совсем не по плечу Есенину, всеми своими эмоциональными корнями сосавшему совсем другие соки из окружающей жизни».

Какие же соки, по мнению Бухарина, следует сосать из окружающей жизни истинному поэту новой эпохи? Не трудно догадаться, какие. И об этом со всей большевистской прямоотой говорит сам автор. Оказывается, они, эти соки, должны быть «наварены по одному коммунистическому рецепту». «Это последнее, – продолжает далее Бухарин, – очень хорошо, и, вообще говоря, чем больше такое единство, тем лучше». Почему лучше, Бухарин при этом не объясняет, но для него это очевидно само собой: в условиях моноидеологии и жесткой однопартийной системы («*Мы так захватили позиции, что никто не сможет повернуть против нас!*») пресловутое единство неизбежно и предпочтительно во всех без исключения сферах общественной жизни. При этом, по Бухарину, важно лишь сохранить чувство меры, ибо можно ведь набить оскомину, кормя читателя «одним и тем же идейным материалом». Именно в этом упрекает он своих современников – пролетарских поэтов, которые превратились «в критиков, организаторов, политиков за счет изучения жизни, за счет работы над собой, за счет связи с массой, живым поэтическим голосом которой они должны быть». В отличие от пролетарских поэтов этим живым поэтическим голосом, вынужден признать Бухарин, в полной мере обладал С.Есенин, затронувший самые сокровенные струны человеческой души, и особенно душевные струны молодежи. Но это-то и страшно, это и недопустимо, ибо поэзия его «вредоносна по существу», т.е. вредоносна по главному и всеобъемлющему *идеологическому* императиву! «Нельзя нашу молодежь кормить в лошадиных дозах одним и тем же, – заявляет Бухарин. – Больше разнообразных вопросов! Больше внимания к живым людям с их особой психологией! Больше внимания к жизни со всей ее многоцветностью, многогранностью, причудливой сложностью! Поменьше не совсем доброкачественного штампованного материала, этого плода бюрократического идейного творчества!».

Таким образом, чутко уловив опасную тенденцию к обюрокрачиванию современной пролетарской литературы как на уровне индивидуально-личностном, так и на уровне идейно-художественном, Бухарин, не вдаваясь в анализ глубинных причин этой тенденции, обусловившей явное отчуждение между официальной пролетарской литературой и ее молодым «потребителем», – пытается отыскать парадоксальный по своей сути и потому заведомо несостоятельный выход в некоем рациональном дозировании словесно-поэтического творчества в соответствии с едиными канонами коммунистической идеологии. Впрочем, что уж винить в нежелании углубленного анализа социально-нравственных первопричин «упадочничества» политика Бухарина, если не обнаруживали такого желанного и собрата Есенина по перу. Даже В.Маяковский, автор наиболее глубокого поэтического отклика на смерть Есенина, склонен был трактовать сложный социально-психологический феномен времени вполне в духе официальной пропаганды: «Пессимизм – признак разгромленности класса, и на беспартийную печаль мы ответим партийной тревогой!» [9, т. 13, 184].

Можно, очевидно, понять идейно-воспитательный пафос статьи (против «квасного патриотизма», бескультурья и хамства, дряблых и безвольных характеров в противовес характерам «энергичным и волевым»), но понять, а тем более принять узкоидеологический подход к оценке поэзии и творчества в целом, по существу вульгарно-социологическую оценку поэтического наследия С.Есенина никак нельзя. Одномерность критериев неизбежно порождает одномерность, а следовательно ошибочность оценок. Совершенно очевидно, что противопоставить плоду «бюрократического идейного творчества» плод ортодоксально-директивного творчества, пусть и рационально дозированного, – значит ни на йоту не приблизиться к истине – художественной и исторической.

Излишне говорить о том, что статья, вышедшая из-под пера руководящего партийца, была воспринята официальными литературными кругами как документ директивный и, следовательно, как руководство к непосредственному действию. Журнал «Октябрь» – орган ВАПП (Всероссийской ассоциации пролетарских писателей) – счел необходимым сопроводить публикацию «Злых заметок» статьей Ю.Либединского с красноречивым заглавием «Какие выводы должны сделать пролетарские писатели из статьи тов. Бухарина». Определяя две основные задачи борьбы с «есенинщиной» («самим быть в гуще строящейся жизни» и «непрестанная учеба и работа над самим собой»), Ю. Либединский как будто не замечает, что в своем главном выводе оказывается в курьезной роли литературного бюрократа, против которого в значительной мере и был направлен критический пафос «Злых заметок» Бухарина. «Выход в том, – пишет он, – чтобы построить организацию (имеется в виду ВАПП. – А.С.) так, чтобы в ней было строгое распределение труда между критиками и писателями, во-первых, а, во-вторых, чтобы организационная работа лежала бы не на писателях» [7, 141]. Нетрудно увидеть на этом примере, как далеко уже в 1927 году зашел процесс обюрокрачивания пролетарской литературы, ее организационного окостенения и угодливого преклонения перед пролетарскими вождями.

Казалось бы, вульгарно-социологический подход в его крайних проявлениях давно и прочно преодолен нашим литературоведением, и знак фактического равенства между понятиями «Есенин» и «есенинщина» навсегда ушел в историю советской литературы как один из наиболее драматичных и прискорбных ее фактов. Между тем на поверку оказывается, что это далеко не так. Вот какой комментарий к событиям 1927 года, связанным с публикацией статьи Бухарина, находим в брошюре М. Савченко «Н.И.Бухарин и литература», вышедшей из печати уже в 1990-м, «перестроечном», году:

«Конечно, нужна была на «есенинщину» реакция такая, которая сразу же бы привлекла к себе внимание и определенным образом воздействовала бы на происходившие в связи с этим явления в стране, особенно среди молодежи. Это был своеобразный социальный заказ времени. Тут, как говорится, никуда не денешься. «Есенинщина» - факт состоявшийся, и с ней надо было бороться самым решительным образом. Вот почему и потребовалось выступление по тем временам на достаточно высоком уровне – главному идеологу партии» [11, 29]. Невероятно, но факт: автор работы в целиком благоприятной атмосфере реальной «гласности» фактически отказывается от научного, освобожденного от привычной завороченности «достаточно высоким уровнем», прочтения «Злых заметок», ограничиваясь в их оценке пространной цитатой из... статьи Ю. Либединского образца 1927 года!

Говоря сегодня о событиях 85-летней давности, следует особо подчеркнуть, что статья Бухарина с одинаковым удовлетворением была воспринята не только вапповской (правой), но и левовской (левой) критикой. «Эта же борьба (борьба против С.Есенина и его поэтического наследия. – А.С.) ведется на всем *левом* фронте искусств», – заявлял от имени последнего А.Крученых, разразившийся после смерти поэта целой серией «дурно пахнущих книжонок» (В.Маяковский)¹ под претенциозным общим заглавием «Все о Есенине» [5, 4].

Чем же было вызвано подобное единодушие? Исследования ученых новейшего времени позволяют утверждать, что такое смыкание правого и левого крыла советского искусства в борьбе с так называемой «есенинщиной» произошло на почве ультрареволюционной идеи, носителями которой являлись в конечном счете как правые, так и левые силы в литературе тех лет. На фоне такой идеи с ее генеральной установкой на мировой революционный пожар, сквозь «очистительное» пламя которого должно пройти, не считаясь с жертвами, человечество, – «революционность» Есенина была слишком гуманистичной, слишком сочувливой и памятной, слишком национально окрашенной и, мы бы сказали, уникально-личностной. «Когда господствует сила, когда устанавливается сверхполяризация, нейтральному, индифферентному нет места, – справедливо утверждает немецкий исследователь Х.Гюнтер. – Поэтому непозволительной провокацией воспринимается независимое самоценное произведение искусства. Все пронизано до дна очень яркой метафорикой борьбы и уничтожения» [3, 32].

Нетрудно понять, что на фоне подобной метафорики конца 1920-х годов «революционность» Есенина превращалась как бы в свою противоположность - в антиреволюционность, в некое опасное для активно формировавшейся в стране тоталитарной системы магнетическое поле истинно талантливой личности, *не выпавшей из животворящей цепи культурно-исторической преемственности*. Именно это в имени и творчестве Сергея Есенина и стало подлинным камнем преткновения в борьбе идеологических и литературных сил накануне решительного разворота страны к казарменному сталинскому социализму. В этой связи логически целиком обоснованной представляется нам гипотеза писателя Ю. Семенова о том, что и сама статья Бухарина «Злые заметки» была инспирирована непосредственно генсеком, причем пресловутая «есенинщина» оказалась удобным жупелом в большой политической игре Сталина и Бухарина против Л.Троцкого, уже опального к тому времени политика, имевшего неосторожность заступиться в 1926 году за трагически ушедшего из жизни поэта.

Было бы неверно, однако, утверждать, что марксистская критика, переводя проблему «есенинщины» в сугубо идеологическое русло, была в этом целиком единодушна. В отличие от Бухарина, а также право- и леворадикальной марксистской критики, подходивших к оценке наследия Есенина с позиций пресловутого критерия «стопроцентной идеологической выдержанности» (Л. Авербах), критика «Перевала» попыталась осмыслить проблему «есенинщины» с позиций более глубокого и органичного проникновения в ее суть, с учетом не только идеологического, но и собственно эстетического и личностно-психологического аспектов, дав тем самым реальный образец «органической критики», стремившейся избежать «политического упрощенства» в оценке специфических явлений искусства.

Отметив, что Есенин «остался у нас не только недооцененным», но и «самый облик его остался непонятым», Д. Горбов, в частности, писал: «Оно (творчество Есенина. – А.С.) собрало воедино болезненные явления, которые были у нас в стране (и не могли не быть в силу особенностей переходного времени), выстрадало их и выставило на общественный показ с потрясающей и вместе с тем подытоживающей силой. Именно после Есенина возврат к «есенинщине» стал невозможным.

Он дал явлению внутренний образ изумительной четкости и тем самым указал обязательный выход из него. Суд, произнесенный над «есенинщиной» самим Есениным и заключенный в художественных образах поэта, по силе своей внутренней убедительности и практической обязательности превосходит все, что сумели сказать об этом явлении публицисты» [2, 223].

Выходит, были «пророки в своем отечестве»?.. Ответ на этот риторический вопрос становится вполне очевидным, если попросту поставить рядом два высказывания - современника тех драматических событий Д.Горбова и нашего современника – цитированного выше М.Савченко. Такое впечатление, что свидетели весьма отстоящих друг от друга эпох поменялись местами...

1928 – 1929 годы, круто изменившие внутренний общественно-политический курс страны, стали порубежными годами и в судьбе Бухарина. Выступив в этот период в числе оппозиционных по отношению к новой сталинской доктрине политических сил, Бухарин не только отныне попал в разряд врагов-оппозиционеров со всеми вытекающими отсюда последствиями личностного характера², но и, надо полагать, впервые получил возможность осознать, к чему привела линия «твердой идеологии», рьяным проводником которой был на протяжении предшествующих лет он сам.

С трудом привыкая к своей новой роли и сильно пошатнувшись в глазах «правовверных» большевиков сталинского толка положению, Бухарин в конце 1920-х годов встал перед драматическим выбором: полное преклонение перед победившей в лице Сталина политической силой, либо открытое неповиновение и прямой вызов этой силе. Троцкий, как известно, выбрал для себя второй путь. Но это был неистовый трибун и стратег революции Троцкий, претендовавший только на первую роль в партийно-государственной иерархии страны послеленинского периода. Бухарин, хоть и был, по словам Ленина, законным любимцем всей партии, но вместе с тем, согласно характеристике того же Ленина, был «мягок, как воск» и «дьявольски неустойчив в политике». Очевидно, именно поэтому, в отличие от Троцкого, он и пытается отыскать некий третий, промежуточный путь идейно-политического лавирования и скрытого противостояния сталинскому курсу, словно забывая при этом одно из известных высказываний своего почившего тремя годами ранее учителя о невозможности и неизбежной пагубности для политика такого пути. Сталин, однако, отлично разгадает этот политический маневр Бухарина.

Как видим, Бухарин конца 1920-х гг. довольно существенно отошел от той либеральной позиции, которую он занимал в середине 20-х годов. Эволюция Бухарина как теоретика литературы свидетельствует об ужесточении его литературных взглядов, в которых на первое место к концу 20-х годов выступает жесткий классово-идеологический императив. Явной натяжкой в этой связи представляется обобщающее утверждение С. Лайне о том, что к анализу проблем художественной культуры Бухарин подходил «с позиций общечеловеческих ценностей, зачастую как бы высвобождаясь от узких и жестких рамок классового подхода» [6, 19]. К сожалению, Бухарину не только не удалось освободиться от этих «узких и жестких» рамок, но и вся его эволюция как одного из главных создателей литературной политики на протяжении второй половины 1920-х гг. свидетельствует скорее об обратном – о том, что он был одним из тех, кто наиболее активно и целеустремленно подстегивал советскую литературу идеологической плеткой, поторапливая ее и без того стремительное продвижение к 1934 году, году проведения Первого съезда советских писателей, окончательно закрепостившему литературу и идейно, и организационно. Тем самым им объективно закладывался один из краеугольных камней в идеологический фундамент сталинизма. «При всей существенной разнице путей Бухарина и Сталина, – целиком обоснованно замечает Г. Митин, – нельзя не заметить не менее существенной общности в их деятельности, т.е. Бухарин и Сталин, пусть в разной мере, представляют то, что мы ныне называем «сталинизмом» и за что, пусть тоже в разной мере, несут ответственность не только Сталин, но и Бухарин и ряд других тогда ведущих деятелей партии и государства» [10, 46].

Трудно заподозрить в неискренности американского советолога С. Коэна, когда он пишет: «Оглядываясь назад, видишь не только то, что 20-е гг. были золотой порой русской культуры, но и что культура нэпа, подобно культуре Веймарской республики, была одной из важнейших глав истории культуры XX века. Она вспыхнула творческим огнем, погибла трагически, но оставила неизгладимый след» [4, 333]. Приходится констатировать, что общим направлением своей теоретико-литературной и литературно-критической деятельности 1920-х гг., наглядным и концентрированным выражением которой стала статья «Злые заметки», Бухарин сделал немало для трагической гибели необычайного культурного феномена, о котором, как о ярчайшем факте мировой культуры, говорит американский ученый. Его выбор 20-х годов, *когда еще существовала реальная историческая альтернатива грядущему сталинизму*, оказался, как это косвенно признает своими работами 1930-х гг. («Гете и его историческое значение», «Гейне и коммунизм» и др.), но прежде всего своим смелым и неортодоксальным докладом на Первом съезде советских писателей сам Бухарин, ошибочным и – роковым, роковым для всей нашей новейшей литературы и для него самого.

Примечания

- ¹ Между тем «попустительством есенинщине» со стороны «редакторской критики» возмущался и сам Маяковский: «Две, три недели тому назад прозвучала статья Бухарина. А возьмите, посмотрите журнал «Красная нива». Первые четыре стихотворения – Есенина. Как будто среди наших поэтов нет достойных для помещения на первой странице журнала» [9, т. 12, 319]. Вполне в духе ваповской критики Маяковский противопоставлял «душеспасительную» лирику Есенина современной, революционной поэзии, являющейся «оружием класса, оружием классовой борьбы».
- ² На ноябрьском (1929 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) Бухарин «как застрельщик и руководитель правых уклонистов» будет выведен из состава политбюро и снят с поста главного редактора газеты «Правда».

Список использованных источников

1. Бухарин Н.И. Злые заметки / Н.И. Бухарин // Правда, 1927, 12 января.
2. Горбов Д. У нас и за рубежом / Д. Горбов. – М., 1928.
3. Гюнтер Х. Железная гармония (Государство как тотальное произведение искусства) / Х. Гюнтер // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. 1.
4. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938 / С. Коэн. – М., 1988.
5. Крученых А. О статье Бухарина против Есенина / А. Крученых. – М., 1927.
6. Лайне С. Ник. Бухарин – литературный критик / С. Лайне. – М., 1991.
7. Либединский Ю. Какие выводы должны сделать пролетарские писатели из статьи тов. Бухарина / Ю. Либединский // Октябрь. – 1927. – № 2.
8. Литературная энциклопедия: В 11-ти тт. – Т. 4. – М., 1930.
9. Маяковский В. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. – Тт. 12, 13. – М., 1957 – 1959.
10. Митин Г. За что отвечает марксизм? Ретроспективные заметки о «социалистическом реализме» / Г. Митин // Литература в школе. – 1990. – № 1.
11. Савченко М. Н.И. Бухарин и литература: Учебное пособие по спецкурсу / М. Савченко. – М., 1990.
12. Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. – М., 1927.
13. Юдин В. «Гой ты, Русь моя родная!..» [Электронный ресурс] / В. Юдин. – Режим доступа: <http://www.rv.ru/content.php3?id=6048>

Summary. The article is timed to 85-th years of release «The angry notes» by Bukharin, which was created against so called «eseninshina». This is due to its tortuous act, the name and poetry of the Great Russian poet S. Yesenin has been almost cut out the Soviet spiritual-cultural space for thirty years, so that Yesenin became practically forbidden poet in the USSR. But, historical and literary value of the article is much wider: it became the crucial point in cultural situation in the 1920-th, having signed transition from a model of cultural pluralism to a model of Party's ideological dictate, cultural and aesthetic uniformity.

Key words: N.I. Bukharin, S.A. Yesenin, «eseninshina», creative legacy.

Отримано: 23.08.2012 р.

УДК 821.112.2(436)+821.161.1.091

В. И. Силантьева

РИЛЬКЕ И ЦВЕТАЕВА В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА (ЛИТЕРАТУРА И ЖИВОПИСЬ)

Адресні елегії Рільке та Цветаєвої 1926 – початку 1927 рр. досліджуються в контексті європейського Модерну-Сецесіону. Компаративістський підхід в цьому випадку дозволив не тільки побачити зв'язки двох культур, але й візуалізувати образний ряд і стиль «Елегії для Марини» та вірша «Новорічне».

Ключові слова: компаративістика, модерн, сецесіон, візуальний ряд.

Их – Рильке и Цветаева – нечаянно, но и вполне закономерно как людей духовно и поэтически близких познакомил Б. Пастернак. «Эпистолярный роман», столь характерный и значимый в биографии Марины Цветаевой, на этот раз длился неполный 1926 год. Он до сих пор поражает пронзительным тоном как самой переписки двух равновеликих авторов, так и образным рядом, когда-то соединившим русский модерн с европейским сецессионом.